

МЕМУАРЫ

Игорь
КИО:
"БРАК
С ГАЛИНОЙ
БРЕЖНЕВОЙ"

Я привык к тому, что жизнь моя (и частная — не исключение) происходит у всех на виду. И редко сержусь на то, что пишут обо мне в газетах — даже совсем уж несурзано и нарочито оскорбительного. Но незавизированное мною интервью талантливому журналисту Александру Терехову из газеты "Совершенно секретно" в те времена, когда непривычная для нас желтизна прессы казалась верхом вольнодумства, меня вдруг возмутило. Терехов озглавил его "Я (то есть, Игорь Кио) был зятем Брежнева". Я понимаю, что людей трудно убедить, что роман наш с Галей — история женщины и юноши, которым скорее помешало родство с Брежневым и Кио. Для всех притягательная скандальность скорее в наших именах. Да и Фрейд — я знаю его совсем понаслышке — возможно, в сексуальных глубинах и обнаружил бы взаимное влияние и возбуждение известностью наших отцов...

Но я против титула "зять Брежнева". Тем более что с Леонидом Ильичом вообще не был знаком.

Галю же я знал с детства. Вернее, она — поскольку старше меня — знала меня с детства. Она, можно сказать, была цирковым человеком — женой известного артиста Евгения Милаева.

В шестьдесят первом году мы поехали на га-

строли в Японию. Жена Милаева официально числилась костюмершей. Я же был совсем молодым человеком, на которого Галина производила огромное впечатление. Прошло почти сорок лет. Но я и сегодня считаю Галину Леонидовну одной из самых замечательных женщин, которых только знал в своей жизни. И своей первой настоящей любовью.

Кому-то, возможно, начавшиеся между нами отношения казались противоестественными. Но я и с годами считаю, что в молодости и должны нравиться зрелые женщины. А им кто может запретить симпатизировать юношам? Впрочем, в нашем с Галей случае не было и тени рассудительности: можно или нельзя, удобно ли, что кто подумает? Выражаясь книжно, пробежала между нами искра или что-то похожее — и мы оказались способными на сумасшествие...

Мы пытались скрывать наши отношения — и считали, что нам это удастся. Но однажды меня позвал ее муж Милаев и сказал: "Иголушка... (он меня так называл), я хочу тебя предупредить, что Галина Леонидовна — не лучше, чем все остальные бабы. Я тебе советую, если ты ее увидишь на одной стороне улицы — переходи на другую. Она тебе "здрасьте" — ты не отвечай. Ты же умный парень, пойми, что тебе этого не надо..." Я

его совету не последовал. И наши отношения продолжались. Правда, мы теперь придумывали всякие хитрые уловки. Галя, как более взрослый человек, говорила: "Ты делай вид, что ты ухаживаешь за кем-то, я буду делать вид, что с кем-то флиртую, и мы введем всех в заблуждение". Не знаю, удалось ли ввести всех в заблуждение, но, во всяком случае, хорошо помню, что всем японцам было известно, чья она дочь. И наши свидания, наши совместные прогулки по городу часто сопровождались слежкой, тайным фотографированием. Закончилось все тем, что, когда мы вернулись из Японии, Галя разошлась с Милаевым. Я был влюблен — и ничьим предостережениям вникать был не в состоянии. А она, наверное, понимала, что такая разница в возрасте долгой счастливой жизни не обещает, но решила, по-моему, так: пусть два-три года, но мои.

Летом шестьдесят второго года Галя навестила меня в Днепрпетровске, где я работал. "Отмазка" должна была быть вполне логичной. Родной город, полно подруг. Для большей конспирации взяла с собой жену брата — Люсю.

Своего родственника по фамилии Лукич Брежнев назначил председателем Днепрпетровского совнархоза. Лукич освободил нам свою квартиру — для встреч. И вот туда-то последовал неожиданный телефонный звонок... Она кивнула мне, чтобы я взял вторую трубку. Говорил Леонид Ильич: он все знает, прекратить и т.д. Галина швырнула трубку на рычаг. И обошлось — отец ничего не предпринял. Ведь речь о женитьбе не шла...

Однако, к ужасу моих родителей и шокируя всех прочих близких нам людей, осенью мы решили расписаться. Леонид Николаевич Фрадкис был направлен во Дворец бракосочетания в Москве, где он, как каждый бы на его месте администратор, уже почувствовал себя помощником Леонида Ильича. Фрадкис отнесил какого-то депутата, сказав, что он здесь по поручению семьи Брежневых, дал директору Дворца бракосочетания срочное указание расписать нас с Галей через три часа. В загсе начался страшный переполох, а мы поехали переодеваться. Тем временем Леонид Николаевич уже командовал заменой интерьера во Дворце на Грибоедова, обещал его работникам протекцию и суду, все более чувствуя себя весьма значительным человеком.

Церемония бракосочетания началась с ляпсуса. Мне было восемнадцать лет, а Гале тридцать два, тем не менее директор, милая дама, этой тонкости не учла — и в момент, когда было объявлено, что мы стали мужем и женой, ничего лучше не придумала как включить песню, по-моему, в исполнении Зыкиной "В жизни раз бывает восемнадцать лет".

P.S. Подробно об этой истории вы сможете прочитать в цветном воскресном выпуске "МК".